

*Памяти
светлой души человека
Николая Евгеньевича
ИЛЬИНА*

Жизнь светлая как песня

Яренск - 2005

Педагог, турист, глава сельской администрации... А еще директор восьмилетней школы в небольшом поселке Пилес и директор детского дома в селе Яренск... А еще - военрук и организатор военно-спортивного лагеря «Дзержинец», который сплачивал вокруг этого человека порой самых отъявленных хулиганов и которые потом открывали какие-то новые истины доброты, ответственности, честности.

Николай Евгеньевич Ильин умел учить. Не всегда - словами, а больше - своим примером. Может быть, именно поэтому не забывается его имя, имя, которое носит одна из улиц Яренска.

Автор-составитель - О.А. Угрюмов

И сердце неверяще дрогнет...

Яренск, первые минуты Нового 2005 года. Еще то в одном конце села, то в другом взмывают с шумом вверх яркие огни фейерверков, улицы постепенно заполняются праздничным гомоном и смехом: знакомые и незнакомые поздравляют друг друга с наступившим Новым годом.

Только на площади около районной поликлиники, где собралось довольно много народа, не слышен смех, люди разговаривают вполголоса. Большой снежный сугроб освещен десятками поминальных огней. Здесь, на этом месте, ровно год назад, посреди праздника остановилось сердце Николая Евгеньевича Ильина, учителя, туриста, главы Софроновской сельской администрации, просто человека большой души и чистого сердца. Все, чем бы ни занимался он, - преподавал в школе, возился с мальчишками из детского дома, играл на гармошке, пел частушки, с тяжеленным рюкзаком водил ребят по самым глухим уголкам района, старался изменить жизнь села в лучшую сторону - во все он вкладывал себя без остатка, не берёг силы про запас.

Здесь в эту ночь была жена Николая Евгеньевича – Валентина Александровна Ильина, здесь его старенькая мама, пережившая смерть уже двоих сыновей. Здесь были его друзья, коллеги и единомышленники. Подходили к горящим

свечам прохожие и, узнав, по какому поводу так печально горят они тут в эту праздничную ночь, останавливались, добрым словом вспоминая этого человека.

И образовался тесный круг односельчан, который все рос и рос. Уходили, поклонившись горящим на снегу свечам одни, подходили другие, третьи. У каждого из тех, кто находился здесь, было о чем вспомнить, и память эта была у каждого так светла.

Вот уже и год миновал. Вот и полтора года пролетело. Самая середина лета – День рождения Николая Евгеньевича Ильина, и опять соберутся родные, друзья, и опять – без него. Уже начинаешь привыкать к тому, что его нет, что остались только светлая память и печаль.

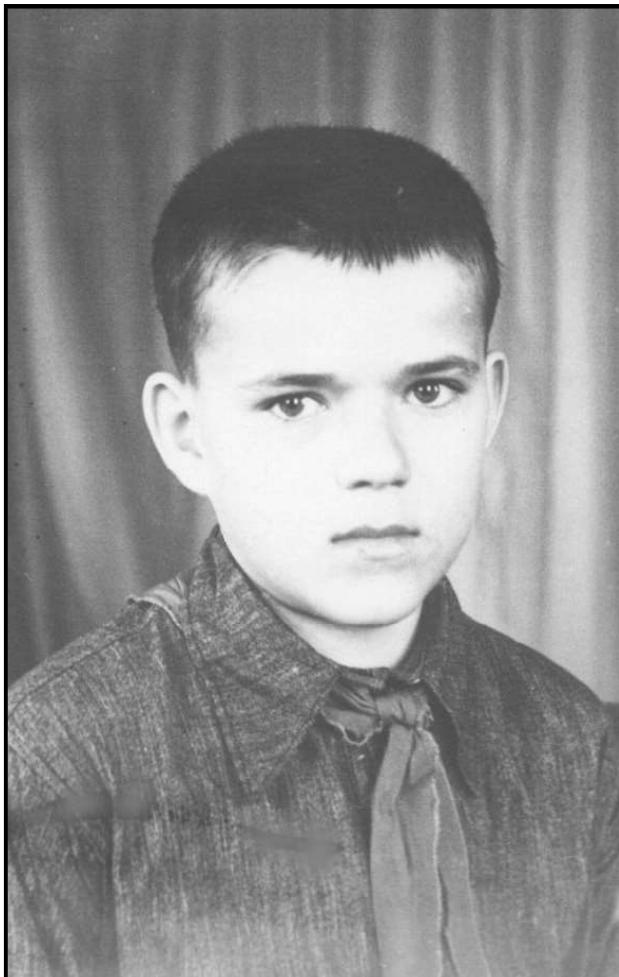
И всё же сердце неверяще дрогнет и в какой-то момент так ясно увидится вдруг: Он снова в быстрой своей походке вывернет откуда-то из-за угла, задержится на бегу, чтобы сказать тебе что-то очень важное...

Гармошка под партой

Трудолюбие у Коли от матери и отца. Не было лета, чтобы он с друзьями не работал в колхозе имени Калинина – копны возил на лошадях, сено гребли на конных граблях.

Коля по чьему-то совету завел себе сберкнижку. Приходил на почту и клал на нее свои трудовые рубли. На заработанные деньги купил себе велосипед вместе со своим другом Шуриком Овчинниковым.

Характеристика на ученика 4-го класса Ильина Николая

*В четвертом классе
Коля учился первый год.
Мальчик подвижный,
очень бойкий. Ведет себя
свободно, потому что в
семье один у отца с
матерью. Одет хорошо,
всегда содержит в
чистоте свой костюм.
Мальчик любознательный,
много читает, владеет
техникой пересказа,
громко читает наизусть...*

- То-то радости было! – вспоминала учитель Ошлапецкой школы Валентина Васильевна Саранова. – Когда он складывал деньги на книжку, люди удивлялись и говорили с уважением: «Вот какой парень-то у Дуси растет – хозяйственный да трудолюбивый!

До работы Коля был «жадный», его не надо было заставлять что-либо делать – сам видел, где его помочь нужна. В школе во время большой перемены, как вспоминал Александр Овчинников, добровольно таскал ящик с хлебом в школьную столовую из пекарни (стояла она тогда у церкви, в деревне Ошлапье).

Однажды Юрию Анатольевичу Саранову потребовалось срочно из картофельной ямы картошку достать. Эта яма стояла на самом берегу Вычегды, а был большой подъем воды, могло «смыть». Опять же Коля с Шурином помогли ему: увидели пацаны, что один мужик бьется, приглашения не ожидая, сами вызвались помочь.

Всю осень ученики школы трудились на полях колхоза: убирали картошку, турнепс, капусту весь октябрь, бывало и до самого снега. Юрий Анатольевич организовал соревнование между отрядами. Николай каждый день подводил итоги труда, отмечал результаты на специальном щите (деревянной доске, которую сам каждый день на поле и приносил).

А трудился с каким азартом – хотел быть и в труде впереди!

- Все трудились хорошо, все хотели друг перед другом себя показать, - говорила Валентина Васильевна, - поэтому даже тяжелый привычный труд превращался в игру и приносил немало радости.

Учился Коля, как и большинство мальчишек, на «три» и «четыре». Но способный был, выучившись играть на балалайке и гармошке, бывало, что нарушал с другом, соседом по парте Шурином Овчинниковым, дисциплину – примутся под партой прямо на уроке (!) играть на гармошке и балалайке.

Бывало, что и озорничали, но не со зла – по детской глупости. Один раз утащили с конюшни чресседельник и порвали его. Конюшила Алина Пантелейевна Галина. Она круто «взялась» за пацанов – потащила почему-то одного Колю в учительскую с родителями.

А вообще-то учились весело, дружно, легко.

Коля с друзьями-одноклассниками (Шурин, Юра Прошин, Женя Суранов) все время проводили вместе. Все горы искали на санках и лыжах. Играли с азартом в волейбол за свою деревенскую команду (тогда Юрий Анатольевич Саранов организовал в школе спортивные соревнования между деревнями Верхний Конец, Гора, Большой мыс, Ошлапье).

Коля везде был впереди, первым помощником учителю. И в походы на Няшу ходили с горном и барабаном, и по азимуту бегали, и соревновались с другими школами.

Запомнился поход в село Козьмино. Ходили напрямую, по реке, на лыжах. В другой раз в Лену отправились на лыжные соревнования. До Шаровицкого бора на лошадях доехали, а дальше – пешком. Вечером, после соревнований, устроили концерт. Шурик и Коля на гармошках – такое «попурри» из любимых мелодий устроили! Час играли наперебой: сначала один, потом другой.

А пристрастил Колю к гармошке его неродной отец Сергей Иванович Туркин, была у него хорошая гармонь, играл сам он отлично на ней. Да и по генам, видно, музыкальные способности передались – родной отец Коли Евгений Илецкий тоже, говорят, гармонист был отменный.

Освоил Коля гармонь легко. Не всем это давалось: одному из его одноклассников родители специально гармонь купили, а он так и не научился на ней играть.

Горазды были на выдумку. Бывало, что в школе на большой перемене примутся играть на гармошке, а ученики и учителя вальс танцевали. Что уж говорить про любой вечер отдыха или концерт художественной самодеятельности – без них не обходилось.

Отец Николая (неродной) Сергей Туркин был очень скромным, выдержаным, трудолюбивым человеком. Не пил. Детей любил, в каникулы, бывало, брал их с собой возить на лошади продукцию с маслозавода на станцию Тыва и в Урдому на два дня с ночевкой. Был отменный плотник – всему Колю научил. Дусю, жену свою, уважал и берег, очень заботился о ней.

Коля все это видел в семье, и сам всегда очень заботливо и нежно относился к матери. Прибегал, приплывал на лодке или на плоту самодельном, приезжал к ней, чтобы помочь в хозяйстве. Никогда праздно время не проводил – всегда при деле: то картошку в огороде копает, то крышу ремонтирует, то печь перекладывает.

Все детство Коля провел в доме, построенном Сергеем Ивановичем в деревне на ручье Речка. Дом и сейчас стоит, как игрушечка: чистый, крепкий, ладный.

Юрий Анатольевич Саранов не без гордости отмечает, что многое из его «методики» взял потом Николай на вооружение, когда сам стал учителем – и походы, и игры, и любовь к спорту и физкультуре, военному делу. Эта «ошлапецкая выучка» выручала его потом не раз.

От Юрия Анатольевича научился Николай и фотографировать.

Был такой случай: приехала команда Ошлапецкой школы на соревнования по туризму в Яренск. И приехала с пустыми руками: ни палатки, ни горна, ни дневника команды, ничего не подготовили по условиям сбора. Коля не растерялся, весь Яренск быстренько оббежал, все достал, даже горн.

Фотоаппарат Юрий Анатольевич всегда с собой брал. Засняли пленку за день, а вечером опять же Коля где-то умудрился напечатать фотографии. Вместе с девчонками всю ночь оформляли дневник лагеря.

На утро все было готово! Жюри во главе с Борисом Григорьевичем Обросовым было просто убито наповал такой оперативностью, очень удивлялись такой дружной и сообразительной команде.

В тех соревнованиях наша команда заняла первое место по району. Собрались ее в Архангельск на областной туристический слет отправлять, но Юрий Анатольевич тогда учился, уехал на сессию, а кроме него в школе не нашлось человека, чтобы свозить ребят в Архангельск. Так и не съездили.

В походе суходольские школьники - с горном и гармошкой.

Но сильно не горевали, ведь пионерская жизнь продолжалась. А кипучая энергия, увлеченность спортом и делом, дружба и взаимопомощь, простота в обращении прошли с учениками Юрия Анатольевича и Валентины Васильевны через всю их жизнь. Это главное и самое нужное, чему научила детей школа. Эти учителя-энтузиасты оказали большое влияние на формирование характера и взглядов Николая Ильина. Он много взял от них, развил и приумножил.

Подготовила Екатерина БЕЗМЕНОВА

Была в нем какая-то особая искорка...

В детстве Николай был озорным сельским мальчишкой, выросшим, как и все мы – то поколение, в посильном труде по хозяйству, в колхозе. Все как у всех, но была в нем какая-то особая искорка, которая в любой ситуации позволяла ему быть оптимистом, заводилой.

В педагогическое училище в Сыктывкаре он поступил легко, так как мальчишек там ждали, мужчин в школах всегда не хватало катастрофически. Учился он без особого труда, так как способности к учебе были. Всегда у всех на виду: веселый, красивый, озорной. Часто вечером его можно было видеть среди молодежи с гитарой.

Мы с ним учились на разных курсах: я была еще на первом, он – на третьем. Часто говорили о наших общих любимых преподавателях в училище. Нам обоим нравились одни и те же люди, особенно литератор Наталья Александровна Стульникова, влюбленная в свой предмет, а мы – в нее.

В Сыктывкаре встречались редко, только когда домой ездили вместе.

Запомнилось, как мы, студенты из Суходола, ездили на праздники домой. Ради того, чтобы побывать несколько дней дома, мы шагали пешком от Урдомы до самой деревни. Уставали конечно, ведь все-таки около тридцати километров надо было прошагать в распутицу осенью и весной по разбитой дороге.

Один раз мы, зная, что не

*Николай Ильин
во время учебы в
Сыктывкаре.*

будет никакого транспорта домой в Суходол, взяли с собой из училища лыжи и шли на них домой, самим порадоваться и мам своих порадовать встречей. А однажды шли через Паламыш, чуть ли не сорок километров. Но никакие трудности не были страшны, если рядом такие верные школьные друзья, как Коля Ильин и Шура Овчинников.

А впереди – встреча с родными, да потом еще клуб веселыми танцами под баян.

Как мы любили, когда играл Коля! У меня и сейчас звучат в душе эти необыкновенно красивые вальсы под баян. Играл он необыкновенно, с душой. Я даже не знаю названия некоторых вальсов, но под них не танцевали – летали. Клуб тогда в Суходоле был новый, мы были молоды, баянист был такой красивый, с такой душой.

Вот так и жили, радовались, стремились к лучшему. Здорово было, как-то надежно, светло на душе, поэтому вспоминаешь, и не верится, что все прошло. Так мало человеку отмеряно, так мало. Ему бы жить да жить... До боли грустно.

Я не могу рассказать о нем, как о педагоге, так как не пришлось вместе работать. Но даже если расскажу один коротенький эпизод, то сразу станет ясно, как его ценили, как педагога, еще до службы в армии.

Я по распределению должна была работать в красивом селе Лойма Прилужского района, куда и поехала 15 августа 1970 года. Но, увы, мое место оказалось занятым. Я это восприняла с радостью и тут же хотела отправиться домой. В районном центре Объячево меня уговаривали, но мне очень хотелось домой, так как я считала, что имела на это полное право, раз мне не предоставили места работы.

Директор средней школы спросил, куда это я так рвусь. Я ему ответила. Тогда он сказал:

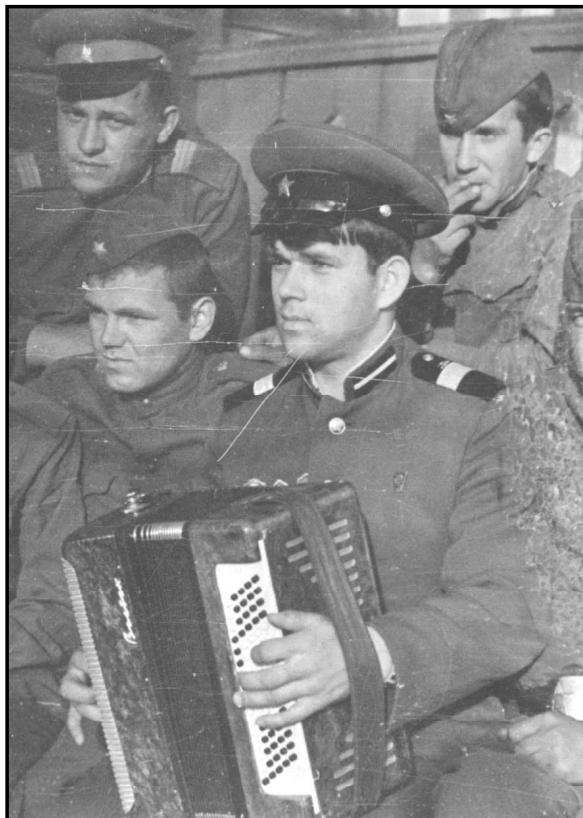
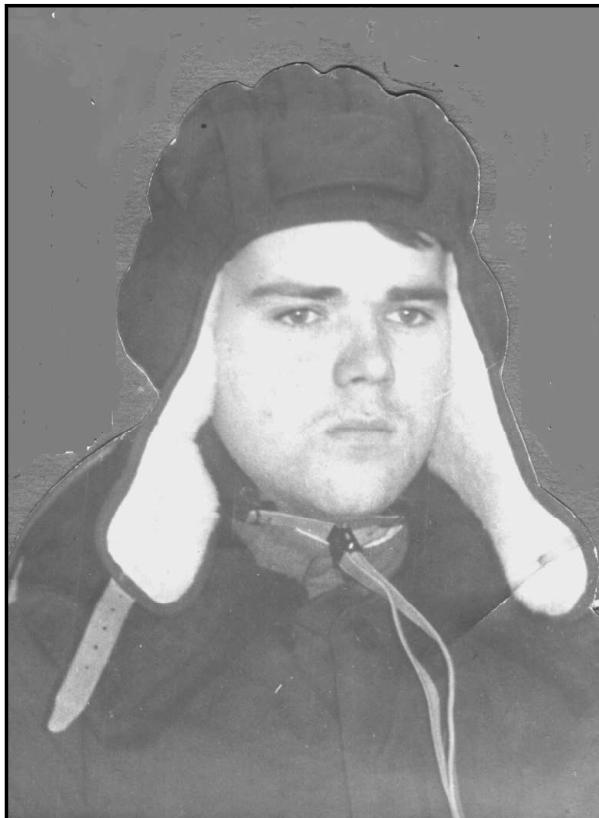
- Тем более оставайтесь! Ведь вы – землячка нашего Николая Евгеньевича, который ушел от нас служить в армию. Если вы такая же энтузиастка и так же, как он, любите детей, то цены вам нет!

Какие еще слова нужны, чтобы говорить о Николае, как о педагоге впоследствии, если в двадцать лет ему «ценены не было». Вот такой он был человек.

Был... Какое грустное слово. Но я думаю, что среди его воспитанников есть продолжатели чудесной эстафеты педагогов. Не

может быть, чтобы кто-то из девчонок и мальчишек не захотел стать похожим на него.

Шура ЗЫБКИНА (Лыскова)

Здравствуйте, уважаемая Евдокия Степановна!

Сердечно поздравляем Вас с наступающим 1969 годом!
Желаем Вам больших успехов в труде, счастья в личной жизни и крепкого здоровья!

Рады сообщить Вам, что Ваш сын Николай Ильин добросовестно относится к изучению боевой техники и оружия, дисциплинирован. Зарекомендовал себя честным, добросовестным и исполнительным воином.

Командиры постоянно ставят его в пример другим.
Большое спасибо Вам за воспитание Вашего сына.

Командир в/ч подполковник Арменаполов

Вспоминает Валентина Александровна ИЛЬИНА:

“Я и секунды не могла жить без него...”

Старые фотографии, десятки полученные почетных грамот за разные дела и в разное время. Разглядывая их, мы беседуем с Валентиной Александровной ИЛЬИНОЙ о ее муже Николае Евгеньевиче.

- Расскажите, как вы познакомились.

- Он отслужил в армии и приехал домой в Суходол. Устроился работать на несколько часов истории и еще какой-то предмет вел. А я уже там работала, тоже первый год. Там мы с ним и познакомились.

Через несколько месяцев его перевели в Пилес, он туда уехал работать. Так нас разлучили, правда, лишь на некоторое время.

Он работал в Пилесе, и по выходным дням, пешком, а зимой на лыжах, из Урдомы приходил в Суходол. Буквально на несколько часов, чтобы нам повидаться с ним, потому что ему опять нужно было пешком бежать до Урдомы, успеть на поезд и - в Пилес, чтоб в понедельник быть на работе.

Иногда он даже привозил с собой листочки с работами ребят, с домашним заданием, с контрольными работами, диктантами. И помню, как мы сидели, проверяли, это вместо того, чтобы объясняться в любви.

А на следующее лето он предложил мне руку и сердце. Мы расписались в Суходоле, съездили к нам в Белгородскую область, я сама оттуда родом, там сыграли свадьбу. Это был 1970 год. Расписались, и я переехала к нему в Пилес. Поселились в его «четвертушку» – четверть квартиры. Там и жили.

- Почему вы остались на Севере? Ведь можно же было уехать, отработав положенный срок

- Знаете, у меня было такое состояние, что мне казалось: куда Коля, туда и я. Иного просто не могло быть! Вот если бы он сказал: поехали туда жить к вам, в Белгород, я бы поехала. Но он не говорил, потому что он привязан к этим местам, тут его корни, и его отсюда не вырвать. И у меня в мыслях не было уехать.

Мне казалось, что счастливей меня нет на свете, что куда он, туда и я. Я, честно говоря, и секунды не могла жить без него. Если он уезжал к маме в Суходол на выходные, проводить ее, а я оставалась с ребенком дома, то для меня эти часы и сутки длились как полгода. Я не

могла быть одна, мы всегда с ним были вместе.

- Николай Евгеньевич работал в Пилесе директором школы. Каким он был директором, расскажите.

- Когда он был директором, школа под его руководством принимала участие во всех районных мероприятиях. Тогда, действительно, ребятам можно было проявить себя.

Занимались сбором ягод, грибов. Обычно это проходило так: он договаривался с машиной в лесопункте, несколько дней до этого ездил в лес, искал ягодные места. Находил их, потом объявлял день заготовки и увозил всех нас в лес. Всю-всю школу, нас там человек шестьдесят, наверное, было, вместе с начальными классами.

Он там специально отводил места: здесь будут начальные классы собирать со своими учителями, тут – пятые и шестые, а там – седьмые...

Потом или сдавали, или сами для себя домой брали. Если могли сдать и получить за это деньги, значит, сдавали, и ребята уже решали на совете сами: все ли в школу сдавать или каждый должен сдать определенное количество литров, в зависимости от возраста ребят. Например, начальные классы сдавали по два литра, более старшие - по три.

Когда деньги в школе появлялись, опять же совет школы решал: куда их направить, что на эти деньги приобрести. Таким вот образом мы, я помню, приобретали кроликов, кур. У нас ведь тогда была одна из первых в районе школ, которая откликнулась на почин иметь при каждой школе какое-то свое хозяйство для того, чтобы хоть как-то можно было снабжать бесплатным питанием ребят.

- И где размещалось это школьное хозяйство?

- У нас в поселке были свободные дома. Лесопункт выделил для школы обычный жилой дом, Николай его переоборудовал под ферму: тут – куры, в другом помещении – кролики. Вместе с ребятами понастроили навесы всякие, клетки, побелили внутри. И когда все это сделали, стали приобретать кур и кроликов.

- Хлопотное, наверное, было дело?

- Ой, один раз, помню, мы с ребятами ушли после школы в лес за ягодами. Недалеко от Пилеса. Гроза неожиданно началась, и такой сильный ливень хлынул. А цыплятка наши были вынесены на солнышко в клетках. Как мы бежали с ребятами, чтобы

спасти их! Они же, цыплята, сырости боятся. Что-то успели, чего-то не успели. Каждый взял, отогревал, высушивал.

С кроликами было не меньше хлопот. Сначала Коля собрал всех ребят, кто хотел бы заниматься, теоретически кружек у школьников вел. Надо же было все изучить по книгам: как содержать, как кормить, кролики же очень прихотливые животные.

Ребята зачеты по теории сдавали, все строго было. Он даже какие-то экстремальные ситуации с ребятами разбирал, проводил ролевые игры: а вдруг что-то случиться, что вы будете делать?

И только потом приобрели кроликов. Там, как помнится, восемь клеток было, шестнадцать человек занимались из ребят. По двое на клетку, потому что если один вдруг не сможет, то второй

Самый
молодой
директор
школы
Ленского
района тех
лет Николай
Ильин ни
минуты не
сидел без дела.

обязательно заменит его. Дежурство было организовано.

Деньги на корма зарабатывали сами. Ходили чистить снег на железнодорожные пути, там железная дорога недалеко, минут сорок идти от поселка. На нижнем складе лесопункта работали. Одним словом, где могли, там и зарабатывали.

На эти деньги покупали корм, плюс ко всему отходы от школьной столовой, из дома всякий корм ребята носили. Почти совсем бесплатно получалось, потому что приносили корм даже те

ребята, которые не участвовали в кормлении кур и кроликов. Просто всем было интересно посмотреть: что это за ферма у школы. Но если кто из ребят хотел зайти и посмотреть на кроликов, то спрашивали разрешения: можно ли посторонним сюда войти, чтоб не занести инфекции или чего-то там еще. Все было строго.

Один очень интересный случай был. Дьячук Женя, он сейчас, помоему, в Тыве живет, захотел, чтобы у его крольчики было больше крольчат, чем у соседа. И он решил из соседней клетки несколько только что родившихся крольчат забрать и незаметно от всех принести в свою клетку.

Назавтра приходит: все, кого он перенес, мертвы.

Как он плакал! А никто не мог понять: почему это произошло? Достали книги по кролиководству, стали искать: где говориться о том, почему уничтожают кролики крольчат? Нашли много версий, но никто не может понять, что же произошло. Коля говорит: ребята, и я не знаю, ничего не подходит.

И вдруг Женя, весь в слезах, он учился тогда в шестом или седьмом классе, признался: «Николай Евгеньевич, я не хотел говорить, но скажу, чтоб другие так не делали».

Я знаю, что Коля не ругал его. Он только сказал: «Ребята, запомните, на ошибках учатся. Так что это пусть будет для всех нас уроком. Ну, а ты, Женя, не волнуйся, она через месяц еще будет гулять и снова тебе принесет».

Куры неслись ежедневно. Их у нас немного было, около двадцати штук. Чистота была, ребята топили печку, за температурой следили,

Пилесские учителя во главе со своим директором.